

**МЕДВЕДЬ И СОБАКА В ОСТАТКАХ СВАТИЛИЩА
В УСТЬЕ РЕКИ АГНЕВО (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ САХАЛИН)**

Ключевые слова: нивхи, айны, обряд, медвежий праздник, святилище, скопление костей, медведь бурый, собака домашняя, *Ursus arctos*, *Canis familiaris*, Сахалин

В статье впервые проведено сопоставление данных, полученных при помощи археозоологических методов и данных этнографии об отношении к костям бурого медведя и домашней собаки в обрядах коренного населения Дальнего Востока. Установлено, что скопление костей медведя и собаки, обнаруженное на западном побережье центрального Сахалина перед небольшим гротом в устье р. Агнево, является святилищем нивхов. Характер утилизации костей позволил идентифицировать святилище как принадлежавшее роду Кшиусвонгун. Изученные следы на костях животных подчеркнули специфику обрядовых действий рода, выделяющих его среди других сахалинских родов нивхов, и указали на возможное влияние нивхов Амура и островных айнов.

DOI: 10.7868/S0869541518030132

Культ медведя практиковался во многих культурно-исторических общностях Северного полушария с каменного века, а его отголоски в виде медвежьего праздника сохранялись у значительного числа народов Сибири и Дальнего Востока до XX в. Собранные благодаря этому этнографические материалы с неослабевающим интересом осмысливаются второе столетие¹, поскольку в знаковой форме заключают память о длительном доисторическом периоде выживания человека. Малые народы залесенных территорий и арктических тундр по сей день сохраняют элементы культуры, быта и мировоззрения, свойственные архаичным обществам с присваивающим типом хозяйствования. Позволяющее выжить отношение к природе закреплено в их мировоззрении не только жесткими условиями быта, но и морально-нравственными критериями, связанными в свою очередь с религией и анимистическими обрядами, центральным образом которых у народов тундр является бурый медведь. На Дальнем Востоке наибольшей полнотой и выразительностью медвежий праздник отличался у населявших низовья р. Амур и север о. Сахалин нивхов (*Шренк* 1903; *Крейнович* 1982).

В результате хозяйственной деятельности в XX в. было разрушено большинство ритуальных площадок и культовых мест нивхов. Нами открыто и исследовано при помощи археологических методов одно из таких мест вблизи устья р. Агнево, у западного побережья центрального Сахалина. Река Агнево – крупная нерестовая река центральной части о. Сахалин. Протекая с юга на север в меридиональном направлении среди отрогов

Гасилин Вячеслав Владимирович | <http://orcid.org/0000-0003-2554-8809> | GasilinV@yandex.ru | к.б.н., старший научный сотрудник, | Институт экологии растений и животных УрО РАН (ул. 8 Марта 202, Екатеринбург, 620144, Россия)

Горбунов Сергей Вячеславович | <http://orcid.org/0000-0002-0826-9093> | Gorbulnov.tabitabi2015@yandex.ru | старший научный сотрудник | МБУК “Тымовский краеведческий музей” (ул. Харитоновна 14, Сахалинская область, пгт. Тымовское, 694400, Россия)

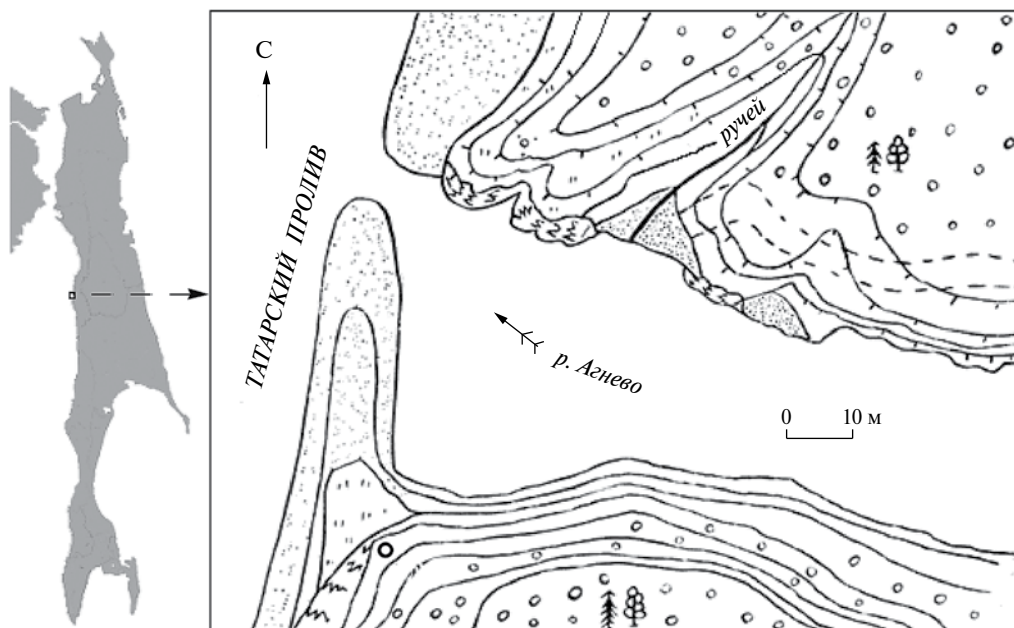

Рис. 1. Схема расположения археологического памятника Агнево-4 – отмечено кружком (съёмка С.В. Горбунова, 2000).

Камышового хребта, она поворачивает на запад и впадает в Татарский пролив в 48 км к югу от г. Александровска-Сахалинского. Долина реки слабо исследована в археологическом отношении, но в нижнем течении обнаружен ряд археологических объектов, свидетельствующих о том, что уже в начале неолита она осваивалась первобытными племенами (Горбунов 2015). Вблизи устья зафиксировано пять археологических памятников более поздних эпох: от раннего железного века до исторических времен. Этнографические данные свидетельствуют, что в XIX – начале XX вв. (Горбунов 2015) здесь жили коренные народы северного Сахалина – нивхи, или гиляки. Вместе с тем участок западного побережья от с. Пильво на юге до мыса Ванди на севере был контактной зоной нивхов и айнов (в стойбище Агнево жили совместные нивхско-айнские роды). Фудзимура Хисакадзу, профессор Университета Саппоро (Япония), ссылаясь на японские письменные источники, в частности на данные путешественника Окамото Кансуке, в 1865 г. организовавшего экспедицию вокруг Сахалина на лодке с шестью айнами, сообщает, что айны и нивхи жили здесь совместно. Об айнском присутствии говорит и наличие на этом участке побережья айнских топонимов (Най-Най, Сертунай и др.). Сходство хозяйственных традиций нивхов и айнов способствовало сближению этих народов. При этом местные нивхи оказались под сильным культурным влиянием айнов. Это выразилось в различного рода подражаниях: в одежде, в использовании языка, в предпочтении брака с айнскими женщинами (Шренк 1903); даже погребальный обряд нивхи западного побережья острова переняли у айнов и хоронили умерших в грунтовых могильниках на глубине около 0,5 м, в то время как нивхи других частей Сахалина сжигали их на костре (Горбунов 2016).

Археологический памятник Агнево-4 (обнаружен С.В. Горбуновым 22.06.2005) расположен на левом, южном, берегу р. Агнево и примыкает с севера к скале, в нижней части которой имеется небольшой грот (Рис. 1).

Уступ террасы высотой 0,3–0,5 м сложен из серых морских песков эолового происхождения и тянется от грота на север. Это первая терраса, примыкающая к морскому

песчаному пляжу. Уступ сформировался в результате морской абразии и является верхней границей заплеска морских волн во время сильных осенних штормов. По-видимому, часть террасы, содержащей костеносный слой, разрушена морем. В ходе зачистки обнажения на протяжении 3–4 м собраны кости крупных млекопитающих. Кроме костей здесь встречены фрагменты раковин моллюсков, а также единичные куски сильно коррозированного железа и осколки бутылочного и тонкого оконного стекла, которое появилось на острове в период сахалинской каторги (1869–1906 гг.). Судя по расположению памятника, близости к нему грота, видовой принадлежности и целостности костей, их скопление имеет ритуальный характер.

Сопоставление данных, полученных при помощи археозоологических методов, с этнографическими сведениями об отношении к костям бурого медведя и собаки в обрядах коренного населения юга Дальнего Востока проводится впервые.

Методика. После установления вида животного кости группировались по возрастным категориям с учетом сроков прирастания эпифизов (концевых отделов, формирующих суставы скелета) у костей разных наименований (Carlson 1961; Weinstock 2009), а в этих группах – по индивидуальным размерам и по сторонам тела. Опираясь на морфологию полных коллекционных скелетов медведя и собаки, мы соотносили размеры костей друг с другом на предмет возможной принадлежности их к разным особям (напр., могут ли данные плечевая и берцовая кости происходить от одной особи, учитывая их онтогенетические особенности). Анализ полученных размерных групп позволил установить минимальное число особей животных (Бёкёни 1969), задействованных в святилищных комплексах. При этом все крупные трубчатые кости свободных конечностей и их пояса (лопатка и таз) были распределены между условно реконструированными особями в соответствии с размерами. Каждая восстановленная таким образом особь получила характеристики пола (пол собак не установлен), примерного возраста, состава скелета, размерную категорию. В отношении бурого медведя выделены шесть размерных категорий – от крупных взрослых самцов до особи в возрасте нескольких месяцев. Пол медведей установлен по размерам костей с использованием для сравнения коллекционных костей от разнополых взрослых особей. В отношении собаки выделены восемь размерных категорий. Восстановленные путем установления минимального числа особей святилищные комплексы носят гипотетический характер, поскольку работа проводилась с выборкой, а не с исходным скоплением костей. Состав и количество позвонков, ребер и немногочисленных костей кистей и стоп приведен в тексте. Рост собак при помощи формул (Harcourt 1974) оценен по длинам разных крупных трубчатых костей, измеренным по методике А. Дриш (Driesch 1976).

Результат. Костные остатки ($n = 296$), собранные у святилища, состоят из целых и фрагментарных костей посткраниального скелета бурого медведя (55%) и домашней собаки (45%). Черепов, нижних челюстей или зубов медведя не обнаружено. Череп и правая ветвь нижней челюсти принадлежат одной особи взрослой собаки, левая ветвь нижней челюсти – другой особи. Почти полное отсутствие хвостовых позвонков, возможно, объясняется тем, что из-за мелких размеров они не обнаружены в слое. Однако ввиду того, что были собраны мелкие кости кистей и стоп собак, нельзя также исключить, что хвостовые позвонки оставались на шкурах и на святилище не попадали. Состав найденных костей приведен в таблице 1.

В выборках обоих видов животных преобладают позвонки и ребра, т.е. наиболее многочисленные кости скелета. Доли других костей не отражают соотношения в целом скелете – вероятно, по причине недостаточного для этого размера выборки.

Святилищные комплексы бурого медведя. В выборке остеологических остатков медведя присутствует большинство его крупных костей – все трубчатые кости свободных конечностей, кости поясов конечностей, позвонки разных отделов позвоночника (кроме хвостовых) и крестец.

Таблица 1

**Состав элементов скелета бурого медведя и домашней собаки
в святилищном комплексе Агнево-4 (экз.)**

Элемент скелета	Медведь	Собака
Череп – cranium	–	1
Нижняя челюсть – mandibula	–	2
Подъязычная – hyoideum	–	1
Позвонок – vertebra	36	42
Крестец – sacrum	1	3
Ребро – costa	65	51
Лопатка – scapula	4	2
Плечевая – humerus	6	3
Лучевая – radius	2	2
Локтевая – ulna	3	3
Запястная – carpale	2	4
Пястная – metacarpus	3	–
Таз – pelvis	3	3
Бедренная – femur	4	1
Коленная чашечка – patella	2	–
Берцовая – tibia	5	5
Малоберцовая – fibulae	3	–
Заплюсневая – tarsale	–	1
Пяточная – calcaneus	2	1
Таранная – astragalus	1	1
Плюсневая – metatarsus	1	–
Метаподия – metapodium	1	–
Сезамовидная – sesamoideum	–	2
Фаланга 1 – falanx 1	8	3
Фаланга 2 – falanx 2	4	2
Фаланга 3 – falanx 3	6	1
Всего	162	131

Из всех костей только плечевые, бедренные кости и ветви таза разрублены поперек (Рис. 2а, 2б).

Таз разрублен по суставной впадине либо по подвздошной кости. Неглубокие короткие следы порезов встречены на одном из ребер, а также на проксимальных метафизах двух бедренных костей взрослого и полувзрослого самцов. Сравнительно плохо сохранились лопатки, как наиболее хрупкие кости скелета; судя по сохранности, намеренно их не разрушали. Лучевая, таз, три бедренные кости, две берцовые, коленная чашечка, пяточная, таранная кости содержат следы погрызов крупных хищных зверей – вероятно,

Рис. 2. Порубленные кости конечностей медведя: *a* – плечевые (проксимальные концы костей взрослой, полувзрослой, молодой особи и дистальный конец кости взрослой особи); *б* – таз, разрублен по суставной впадине (отсутствует подвздошная кость), бедренные (два проксимальных конца костей взрослой и полувзрослой особи, дистальный конец кости полувзрослой особи).

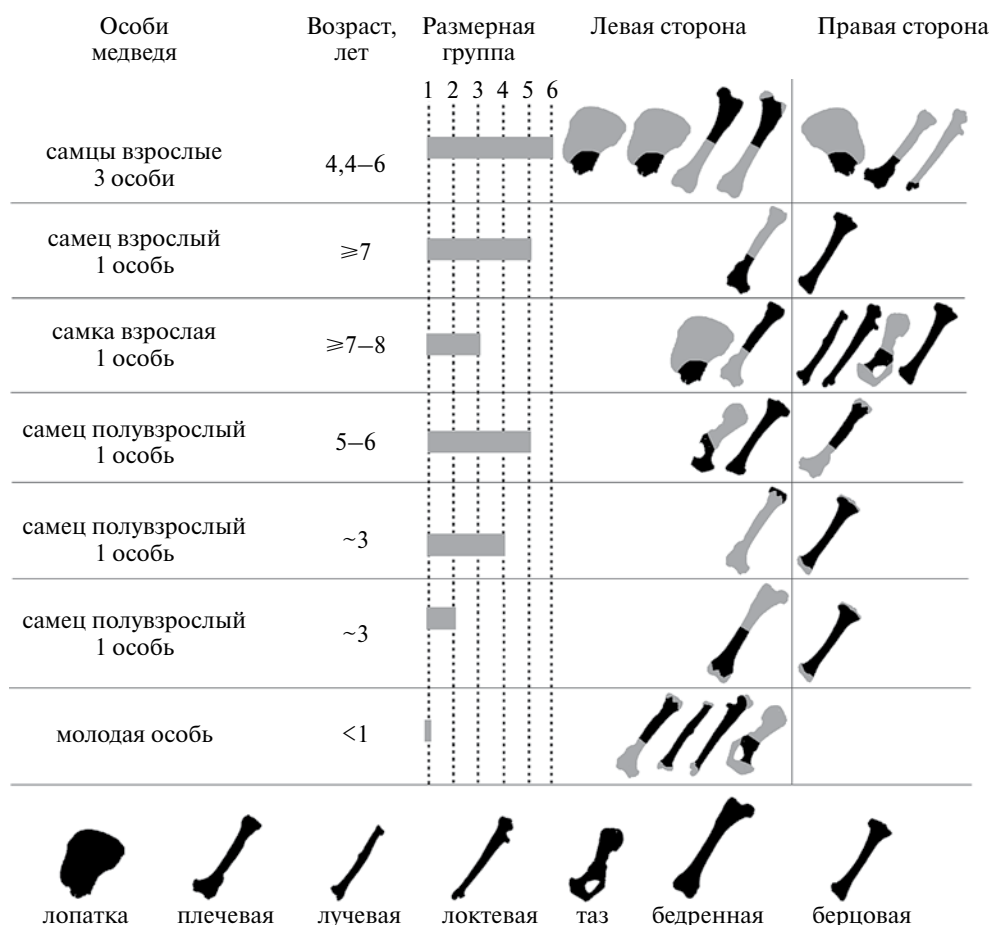

Рис. 3. Схема состава костей восстановленных особей медведя. Черно-закрашенные участки – сохранившиеся. Отсутствующие эпифизы указывают на незрелость особи. Образцы внизу – кости взрослых особей с правой стороны тела. Длина сероокрашенного отрезка обозначает размерную группу особи.

собак. Два грудных позвонка, крестец, пять ребер, таранная кость, метаподия (пястная или плюсневая кость), три первые и две третьи фаланги имеют горелый участок.

Суммарное количество крупных трубчатых костей переднего пояса конечностей и костей свободных конечностей (n = 15) близко сумме костей заднего пояса и конечностей (n = 12). Соотношение костей с левой (n = 15) и правой (n = 12) сторон тоже оказалось близким. В результате анализа размеров различных костей установлено, что происходят они, по меньшей мере, от девяти особей – четырех взрослых самцов, одной самки, двух полувзрослых самцов, одной самки и одной молодой особи неизвестного пола (Рис. 3).

Особь представлены двумя-шестью костями. Наиболее устойчиво сочетание плечевой и берцовой костей. Взрослую самку и молодую особь отличает наибольшая из всех особей полнота скелета. В среднем одной особи принадлежат 6,8 экз. крупных трубчатых костей, что почти в три раза больше, чем у собаки.

Состав осевого скелета медведя: шейные позвонки – 11 экз., грудные позвонки – 12 экз., поясничные позвонки – 13 экз., крестец – 1 экз., ребра – 65 экз. Позвонки и ребра

принадлежат взрослым и полувзрослым особям, а также одной молодой (ок. 0,5 года) особи. Отметим среди шейных позвонков два атланта от взрослого и полувзрослого самцов и два эпистрофея от взрослых самца и самки. Следов порезов, связанных с отчленением головы, на них не обнаружено. Ниже перечислен состав костей кистей и стоп. Кости полувзрослых особей – третья пястная левая, метаподия, первая фаланга, взрослых особей – первая пястная правая, вторая пястная левая, пятая плюсневая правая, семь первых фаланг, четыре вторые фаланги. Взрослым или полувзрослым принадлежали две запястные, две пяточные, таранная кости и шесть третьих фаланг. Кроме того, обнаружены три малые берцовые кости полувзрослых особей и две коленные чашечки взрослых или полувзрослых особей.

Святилищные комплексы домашней собаки. В состав выборки входит целый череп и две целые нижние челюсти от двух взрослых особей. Также взрослым особям принадлежали один атлант и четыре эпистрофея. Имеется третий шейный позвонок, косо отсеченный в каудальной части со второго удара.

Прочие кости собак не были разломаны при разделке и представлены целыми, за исключением хрупких ребер, лопаток и таза. Один эпистрофей и один четвертый шейный позвонок имеют порезы в каудальном отделе дуги, одна плечевая кость полувзрослой особи содержит поперечный ножевой след подрезания связок на блоке. Одна берцовая кость лишена части верхнего конца в результате повреждения зубами собак.

Несколько костей имеют небольшие горелые участки: три анатомически некомплементарных шейных позвонка, вероятно, от разных особей (полувзрослой и взрослых), два грудных позвонка (минимум одна взрослая особь), два анатомически некомплементарных поясничных позвонка (минимум одна полувзрослая особь), фрагмент крестца, малая берцовая и пяточная. Суммарное количество крупных трубчатых костей переднего пояса конечностей и костей свободных конечностей оказалось равным сумме костей заднего пояса и конечностей, что соответствует соотношению в целом скелете. Кости происходят с обеих сторон тела. Костей с правой стороны в два раза больше, чем с левой.

В результате сравнительного анализа размеров различных костей установлено, что принадлежали они как минимум десяти особям – девяти взрослым (все их кости с синостозами между эпифизами и метафизами) и одной полувзрослой особи в возрасте 9–14 мес. (Табл. 2).

Каждая гипотетическая особь представлена разным количеством и составом костей. В среднем одной особи принадлежит 2,1 экз. крупных трубчатых костей.

С восстановленными таким образом особями методически сложно соотнести кости осевого скелета – позвонки, крестец и ребра, а также кости кистей и стоп. Состав осевого скелета: череп, нижняя челюсть – 2 экз., шейный позвонок – 13 экз., грудной позвонок – 8 экз., поясничный позвонок – 20 экз., крестец – 3 экз., ребро – 51 экз. Эти кости принадлежат и молодым (до 0,5 года), и полувзрослым, но в основном – взрослым особям. Состав костей кистей и стоп: запястные кости – 4 экз., заплюсневая – 1 экз., сезамовидные – 2 экз., первые фаланги – 3 экз., вторые фаланги – 2 экз., третьи фаланги – 1 экз.; метаподии отсутствуют. Кроме того, найден один хвостовой позвонок. Кости с приросшими эпифизами.

Данные о росте собак в холке, реконструированном по длинам крупных трубчатых костей конечностей, приведены в таблице 3.

Можно видеть, что оцененный по разным костям размах изменчивости роста собак – от 45 до 59 см, в среднем – 51,9 см. Принимая во внимание положение предплечья в туловище, считаем, что рост в холке в большей мере сопряжен с длинами лучевой и локтевой костей, чем с длинами других, приведенных в таблице 3, костей. Одна из лучевых костей с левой стороны тела анатомически комплементарна локтевой: обе происходят из третьей размерной группы (Табл. 2) – следовательно, принадлежат одной особи. Рост особи, восстановленный по обеим костям, – 52 см. Рост другой особи, отнесенной к четвертой размерной группе (Табл. 2), по второй лучевой кости составил 49 см

Таблица 2

**Восстановленные анатомические составы периферического скелета
особей домашней собаки в святилищных комплексах Агнево-4 (экз.)**

Возрастная категория	Размерная группа	Минимальное число особей	Лопатка Scapula	Плечевая Humerus	Лучевая Radius	Локтевая Ulna	Таз Pelvis	Бедренная Femur	Берцовая Tibia	Пяточная Calcaneus	Таранная Astragalus
взрослое	5	2	*1	1*	—	1*	*1	—	1*	1*	*1
взрослое	4	2	1*	—	—	—	—	—	*2*	—	—
взрослое	3	1	—	—	*1	*1	—	—	—	—	—
взрослое	2	2	—	1*	1*	1*	*2*	—	—	—	—
взрослое	1	2	—	—	—	—	—	1*	1*	—	—
полувзрослое	1	1	—	1*	—	—	—	—	*1	—	—
Всего		10	2	3	2	3	3	1	5	1	1

Примечание. Верхний индекс «*» слева от записи — кость происходит с левой стороны тела, справа от записи — с правой стороны тела.

Таблица 3

**Восстановление роста в холке собак (Harcourt 1974) культового места Агнево-4
по общим длинам (GL) трубчатых костей конечностей (Driesh 1976)**

Кость	GL, мм	Рост, см
Плечевая — humerus	158; 178	52; 59
Лучевая — radius	149; 158	49; 52
Локтевая — ulna	184	52
Бедренная — femur	149	46
Берцовая — tibia	149; 181; 183; 188	45; 54; 54; 56

Примечание. Округление до целых.

(Табл. 3). Средний рост двух особей — 50,5 см. Приводимые здесь средние значения роста очень близки и свидетельствуют о том, что забитые собаки имели средние размеры (для сравнения — высота в холке серого волка около 80 см).

Скопление раковин морских моллюсков. Целые и фрагментарные раковины принадлежали представителям четырех родов двустворчатых моллюсков и одного рода брюхоногих моллюсков². Моллюски съедобные; по некоторым раковинам можно сказать, что принадлежали они крупным особям.

Итак, установлены минимальные количества особей медведя и собаки, которым могли принадлежать все кости комплексов. Для медведя это 9 особей, для собаки — 10. Соотношение самцов и самок медведя составило 3:1, соотношение взрослых, полувзрослых и молодых особей — 5:3:1. У собак соотношение взрослых и полувзрослых 9:1. В среднем одной особи медведя принадлежит 12 костей, одной особи собаки — 10. Кости свободных

конечностей собаки целые; плечевые, бедренные и тазовые кости медведя разрублены поперек. Для реконструированных комплексов медведя характерно сочетание плечевой (точнее, ее дистальной или проксимальной части) и берцовой костей.

Обсуждение. Описанные остеологические комплексы памятника Агнево-4 сформированы в результате ритуальной деятельности аборигенного населения Сахалина. Об этом говорит относительно высокое количество костей медведя в находках и присутствие в изученной выборке костей собаки. В бытовых остатках археологизированных стойбищ коренного населения Сахалина, кроме названных видов, нередко остатки рыб, постоянно встречаются кости ластоногих, кости северного оленя, реже – кости различных птиц, соболя, песка и других животных (*Алексеева и др.* 2004; *Гасилин и др.* 2016), раздробленных при разделке для приготовления пищи. Вместе с тем известно, что в обрядах широко практиковавшегося медвежьего праздника использовались именно медведь и домашняя собака. Их остатки найдены перед гротом, а согласно мифологии нивхов, горный человек-дух жил в гротах, пещерах и под скальными навесами.

Ввиду того, что стекло и железо как материал представляли в период появления первых переселенцев из центральной части Российской империи (XIX в.) чрезвычайную редкость на Дальнем Востоке, любые их остатки имели ценность для коренных жителей края. Обнаружение их в отложениях Агнево-4 говорят о том, что они также принесены в дар духу-хозяину одной из стихий. Эти артефакты позволяют датировать памятник второй половиной XIX – началом XX в.

В описаниях медвежьего праздника не упоминается о роли моллюсков. Но скопление у святилища остатков раковин крупных особей съедобных моллюсков не может быть полностью объяснено естественными причинами ввиду селективности выборки. По всей видимости, раковины – это пищевые отбросы, обычно встречающиеся среди остатков костей млекопитающих в культурных слоях приморских поселений. Едва ли они принесены к святилищу в качестве мусора – скорее, святилище водружено на месте с остатками небольшой трапезы.

Анализ следов обрядовых действий с медведем. У айнов известна церемония “отправки духа” животного или почитаемых предметов, обозначаемая в их языке специальным словом (*Осипова, Тэмина* 2008). Проводилась она, в частности, охотниками в отношении убитого медведя, причем либо на месте добычи, либо в селении. Подобная ей, но имеющая иное название церемония “отправки духа” проводилась по случаю забоя медведя, выращенного в селении. У нивхов известно несколько слов, обозначающих медвежий праздник (Там же), и проводился он как в отношении выращенных в неволе, так и добытых зверей (*Штернберг* 1933: 67, 68; *Крейнович* 1982). Морфологически кости тех и других не различаются, поэтому происхождение особей, остатки которых собраны на Агнево-4, остается неизвестным. Вполне возможно присутствие как выращенных, так и добытых медведей, поскольку их кости складывали в одном месте (*Штернберг* 1933: 68; *Крейнович* 1973: 233). Состав и характер количественного соотношения собранных костей медведя (Табл. 1) косвенно подтверждают, что комплексы формировались на основе полных, но декапитированных туш нескольких особей.

Свежевание медведя, в отличие от свежевания других животных, имеет у нивхов специальное название, равно как снятие мяса с костей и различные органы медведя (*Крейнович* 1973: 210, 215, 216, 231; *Осипова, Тэмина* 2008). У айнов, напротив, нет специальных слов для обозначения обрядовых действий с медведем и его анатомии (*Осипова, Тэмина* 2008). Туша медведя у нивхов (как материковых, так и островных) делится на табуированные и нетабуированные части, из которых только последние могут употребляться женщинами. Табуированными, в частности, считаются голова с нижней челюстью, шейные позвонки, три первых ребра, грудина, самые крупные мышцы конечностей, нетабуированными – остальные позвонки и ребра, лопатки, кости таза, мясо конечностей, включая кисти и стопы (*Крейнович* 1973: 215, 216). В родах материковых нивхов табуированными считались тазовые, берцовые кости и, очевидно, их мясные

части: Л.Я. Штернберг сообщает, что это “самые главные кости”, которые “дают самым почетным лицам” (*Штернберг* 1933: 297). Допускаем при этом, что автор имел в виду бедренные кости: они находятся в сочленении с тазом и вместе с ним представляют наиболее мясистую часть туши. Кроме того, в области между тазобедренными суставами находятся репродуктивные органы, которые имели в обряде соответствующую смысловую нагрузку. Подтверждает наше предположение более поздняя работа (*Крейнович* 1982), где о материковых нивхах говорится, что таз, либо его половину, и бедренные кости они подают гостям-старейшинам, за что те обязаны отдариться копьём, собакой или ружьём. При этом задняя часть вместе с тазом разрубается специальным топором (Там же).

Табуирование туловища медведя у айнов не описано, а в поедании его мяса на празднике принимали участие как женщины, так и мужчины. Известно только, что ритуальная сервировка специального подноса включала кусок мяса с костью, отдельное ребро, а также мелко нарезанное мягкое мясо и жир (*Пилсудский* 1914).

В изученном материале встречены кости из частей туши обеих принятых у нивхов категорий. Разделка туши производится специальными табуированными и нетабуированными ножами (*Крейнович* 1973: 215). Отмеченные нами следы порезов на костях, видимо, оставлены при снятии мяса железными ножами. Тот факт, что кости с подобными следами встречались редко, во многом может объясняться корродированностью костей — шелушением их поверхностей.

Табуированные части туши сахалинские нивхи раздельно жарили на нескольких вертелах над табуированным костром на священной площадке, где зверь был забит. Следом нетабуированные части также раздельно варили в котлах на костре в стороне от площадки до такой степени, чтобы мясо легко отставало от костей. В самом конце жарилась подвешенная к жерди над костром голова с нижней челюстью, грудиной и двумя первыми позвонками (*Крейнович* 1973: 221–223, 228). В противоположность описанному, у континентальных нивхов медвежье мясо принято было варить (*Штернберг* 1933: 65), а поджаривание использовалось как пренебрежение к добытому зверю, ранее задравшему сородича (Там же: 96). Во время праздничной трапезы мясо снималось и нарезалось на мелкие куски ножами; рвать мясо зубами и обглаживать кость было запрещено (*Крейнович* 1973: 231). Затем кости туловища, некоторые из которых обвязывали ремнями, передавали хозяину медведя. Хозяин относил их в специальное место, где осторожно складывал с другими костями туловища медведя, сохранявшимися многие годы после каждого обряда, проведенного членами рода (*Крейнович* 1973: 233). Все медвежьи черепа, как у нивхов, так и у айнов, согласно ритуалу хранились в отдельном месте.

По поверью, убитый медведь возрождается и снова приходит к людям, что предполагает сохранение его останков. Это священнодействие требовало осторожного обращения с костями медведя: считалось, что уронить кость на землю — это нарушение табу (*Штернберг* 1933: 96, 97), а какие-либо серьезные ее повреждения грозили возмездием нарушителю со стороны горного человека-духа (*Крейнович* 1973: 215, 221, 231), которого зверь олицетворял либо посредником которого считался у нивхов, айнов и других народов. Умерщвление зверя в этом обряде не носило характера прямого жертвоприношения.

Запрет ломать, разрубать кости был присущ медвежьим обрядам Северного полушария (*Васильев* 1948); в целом это справедливо и в отношении ритуалов островитян-айнов (*Пилсудский* 1914) и нивхов, причем как континентальных (амурских), так и сахалинских (*Крейнович* 1982). Лишь у хоккайдосских айнов встречались случаи, когда кости рубили и варили из них суп, однако сородичи считали это грубым нарушением обычая (*Пилсудский* 1914). В изученном святилище некоторые кости разрублены. Объясняется это описанным в литературе исключением: во время священнодействия нивхи рода Кшыусфин (*Крейнович* 1982), или Кшиусвонгун, представители которого жили в селении Усть-Агнево, некоторые крупные кости перерубали специальным топором, который держали в амбаре, где хранились черепа медведей. Таким образом, если материковые нивхи такой топор использовали для разрубания задней части туши, таза (им также пробивали череп

для извлечения мозга, что делали и айны), то представители названного сахалинского рода с его помощью перерубали надвое и трубчатые кости, а именно проксимальные звенья конечностей – плечевые и бедренные. Эти кости содержат наибольшее количество питательного костного мозга. Перерубали их независимо от возраста и пола особи, которой они принадлежали, из чего можно заключить, что, невзирая на подспудный утилитарный мотив, акт не носил факультативного характера и не определялся, например, величиной сосуда, где предстояло вариться части лапы. Кости предплечья (лучевая и локтевая) и кости голени (большая и малая берцовые) оставляли целыми (Рис. 4). В других сахалинских родах использовали только ножи, а черепа и все кости туловища сохраняли нетронутыми (Там же). Можно, следовательно, с уверенностью утверждать, что изученное священное место принадлежало роду Кшиусвонгун.

Ввиду того, что специальный топор нивхами континента использовался в отношении табуированных черепа и таза, можно полагать, что перерубавшиеся членами этого рода плечо и бедро тоже представляли табу для женщин и считались пищей мужчин.

Поскольку роду принадлежали земли на западном побережье острова – от с. Агнево на севере до с. Пильво на юге – его представители поддерживали наиболее тесные контакты с айнами, некоторые роды которых в историческое время мигрировали с о. Хоккайдо на континент через о. Сахалин. В этой связи можно предположить, что обычай перерубать длинные трубчатые кости медведя был перенят агневскими нивхами у мигрантов айнов, отступивших от части древних традиций. Не исключено, что до прихода айнов нивхи западного побережья уже использовали в обрядах топор в тех же целях, что и нивхи материка – для пробивания отверстия в черепе и перерубания таза; возможно, под влиянием айнов топор стал применяться и для разрубания других костей.

Нам не известно о специальной роли огня в медвежьем празднике, о манипуляциях с огнем и костями медведя или собаки, хотя в мифологии айнов, например, медведь связан с огнем домашнего очага и выступает его охранителем (*Пилсудский* 1914). Судя по описаниям (*Крейнович* 1973: 221–223), в ритуале и табуированный, и нетабуированный костры использовались традиционно для приготовления пищи. Характер расположения горелых участков на некоторых костях обоих видов (14% костей медведя и 12% костей собаки) указывает на то, что смежные участки кости были полностью изолированы от пламени. Это могло произойти, во-первых, во время приготовления обрядовой пищи, подразумевающего, что не вся кость была освобождена от мышц и связок, во-вторых, если огонь разводили на поверхности грунта, частично скрывавшего кость. Последнее маловероятно, поскольку кости не могли быть “попираемы”, их стремились сохранять в специально отведенном месте. Следы горения, таким образом, объясняются небрежностью в процессе жарки мяса над костром. Вместе с тем заметим, что горелые участки имеют кости нетабуированных частей туши, которые, согласно этнографическому описанию, сахалинские нивхи варили в котлах. Это расхождение можно объяснить различиями в отправлении обряда между представителями рода Кшиусвонгун и других сахалинских родов. Если на открытом огне поджаривали только табуированную пищу, то ее список у агнецев включал также кисти и стопы зверя (Рис. 4).

Ввиду сакрального мотива ритуала полагаем, что доля поврежденных огнем костей медведя в Агнево-4 высока. Это означает, что подобные следы от огня допускались обрядовыми правилами.

Предположительно кости не помещались в сруб, а складывались в компактную кучу перед гротом и, вероятно, накрывались хвойными ветками, как это иногда делается и поныне. Привлеченные запахом, сюда добирались собаки. Следы их зубов остались на 6% всех целых и фрагментированных остатков медведя и на 0,8% (1 экз.) остатков собаки. Животные могли нарушить исходный состав комплексов, растащив часть костей по окрестностям. Во всяком случае, можно заключить, что отношение к костям как к элементу культа допускало неполноту мер для их сохранности у святилища.

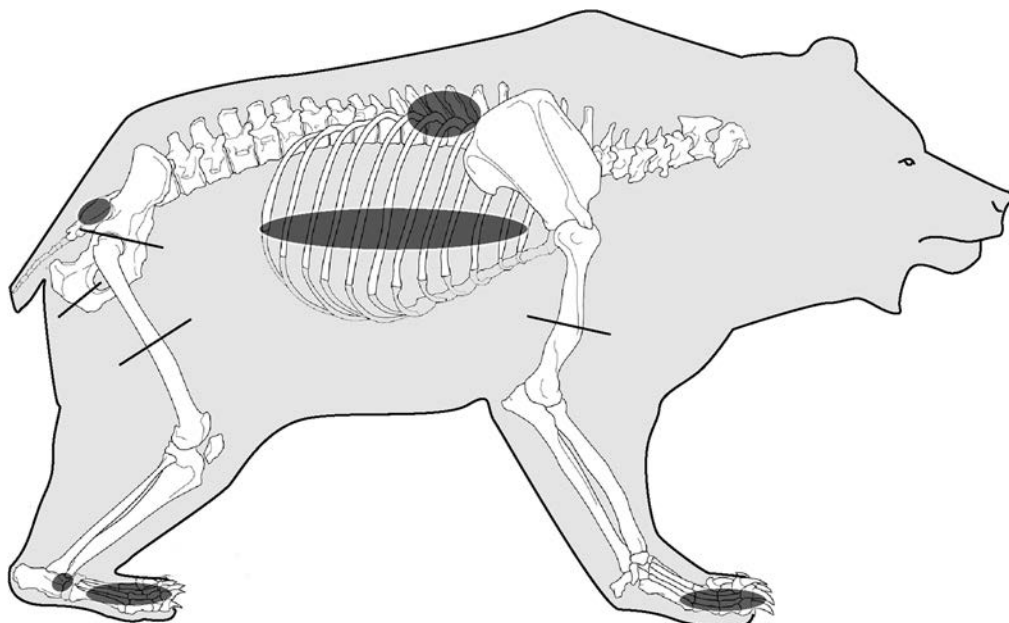

Рис. 4. Схема следов разделки и горения на костях скелета медведя. Отрезки указывают места перерубания костей топором. Закрашенные эллипсы выделяют частично подвергшиеся горению кости или их группы.

Анализ следов обрядовых действий с собакой. До XX в. собака была единственным домашним животным аборигенов Сахалина. Одна из важнейших функций в хозяйстве — транспортная — возлагалась на нее. В этой роли собака была незаменима в зимнее время, а в летний сезон население побережья Татарского пролива использовало ее как тягловую силу для груженных лодок (Крейнович 1973: 155). Выбракovaných из-за старости или травм животных откармливали и забивали; мясо использовали в пищу, а шкуру — для изготовления одежды. В экономике собака играла и меновую роль. Благополучие хозяина могло быть оценено по количеству собак, запрягаемых в нарты. Животное выступало и как единственное искупительное средство за нарушение многочисленных религиозных правил (Там же: 156).

Всякий хозяин содержал трех священных собак: в честь духа гор, духа воды и духа огня. Когда собака становилась непригодной в хозяйстве, ее приносили в жертву соответствующему духу. Хозяин, выращивавший медведя, выкармливал также и собаку, ему посвященную; она питалась остатками пищи медведя и следом за ним умерщвлялась удушением на медвежьем празднике (Там же: 158). Религиозный мотив жертвоприношения собак заключался в обмене дарами с духами: например, в благодарность за медведя, присланного ими роду. Таких собак, считавшихся табуированными (Там же: 235), как сахалинские, так и континентальные нивхи (Штернберг 1933: 67) свеживали и варили в котлах, а затем ножами снимали и мелко нарезали мясо. В трапезе принимали участие как мужчины, так и женщины (Там же: 67). Рвать мясо с костей зубами, как мясо простых собак, запрещалось (Крейнович 1973: 235). Шкуру, голову и кости туловища собака клали возле святилища в сруб вместе с костями туловища медведя (Штернберг 1933; Крейнович 1973: 237).

В остатках святилищных комплексов Агнево-4 собраны череп, нижние челюсти и кости нескольких особей. Механические повреждения костей сводились к единичным следам порезов и погрызов собаками. Мы не находим в исследованной литературе объяснения следам горения костей. Остатки обычных, приготовленных на вертелах собак

не должны были оказаться возле святилища. Видимо, и в отношении способа приготовления жертвенных собак как ритуальной пищи проявлялось своеобразие обряда у рода Кшиусвонгун – какие-то части туш собак жарили над пламенем огня, как это было принято делать с табуированными частями медведя в родах сахалинских нивхов.

* * *

Изучение собранных в отложениях возле грота артефактов и костей животных показало, что Агнево-4 представляет собой археолого-этнографический комплекс – остатки святилища нивхского рода Кшиусвонгун, которое было посвящено духу гор.

Ипостасью горного духа, его посланником нивхи считают бурого медведя, в жертву которому они приносят специально выращенную собаку. В посвященном горному духу ритуале, называемому в литературе медвежьим праздником, обоих животных умерщвляют. Их мясо становится ритуальной пищей, а кости относят к священному месту. У каждого рода нивхов были свои площадки для проведения обрядов и священные места. В селении Усть-Агнево проживали представители рода Кшиусвонгун. Одной из известных по этнографическим данным особенностей проведения медвежьего праздника у этого рода, выделяющей его среди сахалинских родов нивхов, было использование для разделки туши медведя не только ножа, но и топора. Последнее сближает род с нивхами континента.

Помимо этой особенности мы обнаружили, что в святилищных комплексах сохранялись кости со следами горения из таких отделов туш медведя и собаки, которые, согласно этнографическим данным, сахалинские нивхи готовили в котлах, а не поджаривали. Поскольку способ приготовления определялся запретом на поедание различных частей туши медведя мужчинами и женщинами, следует заключить, что жители Усть-Агнево следовали оригинальной схеме табуирования туши медведя. Возможно, список запрещенных для женщин мясных частей был длиннее, чем в остальных нивхских родах острова. Кроме того, жертвенных собак – по меньшей мере некоторые части их туш – здесь готовили над открытым огнем, а не варили в котлах.

Собственно следы горения, как и следы погрызов собаками на костях из святилищных комплексов Агнево-4, говорят о принципиальной допустимости таких повреждений как на стадии приготовления ритуального блюда, так и на конечной стадии хранения священных костей.

Материал хранится в Музее Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург.

Примечания

¹ См.: Гондатти 1888; Ядринцев 1890; Шренк 1903; Дербек 1913; Пилсудский 1914; Титов 1923; Hallowell 1926; Потанов 1928; Штернберг 1933; Васильев 1948; Окладников 1950; Алексеенко 1960; Попова 1967; Василевич 1971; Крейнвич 1973; 1982; Шмидт 1989; Таксами 1992; Житенёв 2000; Бадмаев 2002; Соколова 2002; Илимбетова 2008; Осипова, Тэмина 2008; Горбунов 2016.

² Определения д.б.н. В.А. Ракова, Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева ДВО РАН, г. Владивосток.

Научная литература

Алексеева Э.В., Раков В.А., Горбунов С.В. Каталог археологических памятников Сахалина с раковинными кучами и остатками фауны. Тымовское: Тымовский краеведческий музей, 2004.

Алексеев Е.А. Культ медведя у кетов // Советская этнография. 1960. № 4. С. 90–104.

Бадмаев А.А. Реликты культа медведя в культуре бурят // Сибирская Займка. История Сибири в научных публикациях. 01.07.2002. <http://zaimka.ru/badmaev-bear>

- Василевич Г.М.* О культе медведя у эвенков // Сб. Музея антропологии и этнографии. 1971. Т. 27. С. 150–169.
- Васильев Б.А.* Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 4. С. 78–104.
- Бёкёни Ш.* Новый метод вычисления количества особей животных в остеологическом материале из археологических местонахождений // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение биологическое. 1969. Т. 74. Вып. 6. С. 69–71.
- Гасилин В.В., Васильева Л.Е., Горбунов С.В., Колосовский А.С.* Археозоологические исследования на Сахалине // Известия Сахалинской Академии наук. 2016. № 1. С. 3–16.
- Гондатти Н.Л.* Культ медведя у инородцев северо-западной Сибири // Труды этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1888. Кн. 8. Т. 48. Вып. 2.
- Горбунов С.В.* Археологические памятники Александровск-Сахалинского района // Вестник Сахалинского музея. 2015. № 22. С. 92.
- Горбунов С.В.* Древнейшие следы медвежьего культа на Сахалине // Известия Сахалинской Академии наук. 2016. № 1. С. 34–40.
- Дербек Ф.А.* Медвежий праздник гиляков // Записки общества изучения Амурского края. Т. 13. Владивосток, 1913. С. 27–32.
- Житенёв В.С.* Культ медведя в палеолите Европы. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Исторический факультет МГУ, Москва, 2000.
- Илимбетова А.Ф.* Отражение культа медведя в мифологии и народных традициях башкир // Актуальные проблемы истории, языка и культуры Башкортостана: Сб. науч. тр. молодых ученых ИИЯЛ УНЦ РАН. Под ред. Г.Р. Хусаиновой и Р.Н. Сулеймановой. Вып. 3. Уфа: Деловая династия, 2008. С. 99–110.
- Крейнович Е.А.* Нивху. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М.: Наука, 1973.
- Крейнович Е.А.* О культе медведя у нивхов // Страны и народы Востока. 1982. Вып. 24. С. 244–283.
- Окладников А.П.* Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири // Советская археология. 1950. № 14. С. 7–19.
- Осипова М.В., Тэмина М.Г.* Медвежий праздник у нивхов и айнов (лингвокультурологический анализ) // Россия и АТР. 2008. № 2. С. 56–63.
- Пилсудский Б.О.* На медвежьем празднике айнов Сахалина // Живая старина. 1914. Т. 23. Вып. 1–2. С. 67–162.
- Попова У.Г.* О пережитках культа медведя (уркачак) среди эвенов Магаданской области // Труды СВ КНИИ СО АН СССР. Вып. 17. М., 1967. С. 174–181.
- Потапов Л.П.* Пережитки культа медведя у алтайских турок // Этнограф-исследователь. 1928. № 2–3. С. 15–22.
- Соколова З.П.* Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 41–62.
- Таксами Ч.М.* Медвежий праздник в традиционном мировоззрении народов Севера // Ранние формы религии народов Сибири (материалы III советско-французского симпозиума). Под ред. И.С. Гурвич, Р.Ф. Итс и Ч.М. Таксами. СПб., 1992. С. 156–166.
- Титов Е.И.* Некоторые данные по культу медведя у нижнеангарских тунгусов кондогирского рода (Баргузинский округ Сев-Зап. Забайкалья) // Сб. Сибирская Живая Старина. 1923. № 1. С. 90–105.
- Шмидт Е.А.* Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Ленинград, 1989.
- Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края. Т. 3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1903.
- Штернберг Л.Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны: статьи и материалы. Хабаровск: Дальгиз, 1933.
- Ядринцев Н.М.* О культе медведя, преимущественно у инородцев Сибири // Этнографическое обозрение Сибири. 1890. Кн. 4. № 1. С. 101–111.
- Carlson W.D.* Veterinary Radiology. Philadelphia: Lea and Febiger, 1961.
- Driesch A., von den.* A Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites // Peabody Museum Bulletin. 1976. Vol. 1. P. 1–137.

- Hallowell A.I. Bear Ceremonialism in the Northern Hemisphere // *American Anthropologist*. 1926. Vol. 28. № 1. P. 1–175.
- Harcourt R.A. The Dog in Prehistoric and Early Historic Britain // *Journal of Archaeological Science*. 1974. Vol. 1. № 2. P. 151–175.
- Weinstock J. Epiphyseal Fusion in Brown Bears: A Population Study of Grizzlies (*Ursus arctos horribilis*) from Montana and Wyoming // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2009. Vol. 19. P. 416–423.

Research Article

Gasilin, V.V., and S.V. Gorbunov. The Bear and Dog in Heathen Sanctuary Remains in the Mouth of the Agnevo River (Central Sakhalin) [Medved' i sobaka v ostatkakh sviatilishcha v ust'e reki Agnevo (tsentral'nyi Sakhalin)]. *Этнографическое обозрение*, 2018, no. 3, pp. 184–200. ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Nauka Publishers

Viatcheslav Gasilin | <http://orcid.org/0000-0003-2554-8809> | GasilinV@yandex.ru | Institute of Plant and Animal Ecology UB RAS, (8 March St., Ekaterinburg, 620144, Russia)

Sergey Gorbunov | <http://orcid.org/0000-0002-0826-9093> | Gorbunov.tabitabi2015@yandex.ru | “Tymovsk Museum of Local Lore” (14 Kharitonov St., Tymovskoe, Sakhalin Oblast, 694400, Russia)

Keywords

Nivkhs, Ainu, ritual action, bear ceremony, heathen sanctuary, bone mounds, brawn bear, domesticated dog, *Ursus arctos*, *Canis familiaris*, Sakhalin island

Abstract

A comparison between the data obtained using archaeozoological methods and ethnographic data on the Far East indigenous population's ritualistic attitude to the bones of a brown bear and a domestic dog has been performed for the first time. We revealed that bear and dog bone mounds found in front of a small grotto in the mouth of the Agnevo river in the central Sakhalin western coast is the Nivkhs sanctuary. The manner of the bones dismemberment made it possible to identify the sanctuary as belonging to genus Ksyusvongun. The studied traces on the bones of animals emphasized the peculiarity of the genus Ksyusvongun ritual actions which distinguish it among other Sakhalin Nivkhs genera, and pointed out to the possible influence of the Amur nivkhs and the Ainu to this genus.

DOI: 10.7868/S0869541518030132

References

- Alekseenko, E.A. 1960. Kul't medvedia u ketov [The Bear Cult among Ket]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 90–104.
- Alekseeva, E.V., V.A. Rakov, and S.V. Gorbunov. 2004. *Katalog arkhеologicheskikh pamiatnikov Sakhalina s rakovinnymi kuchami i ostatkami fauny* [The Catalog of Sakhalin Archaeological Sites with the Shell Middens and Faunal Remains]. Tymovskoe: Tymovskii kraevedcheskii muzei.
- Badmaev, A.A. 2002. Relikty kul'ta medvedia v kul'ture buriat [The Relics of the Bear Cult in the Buryats Culture]. *Sibirskaiia Zaimka. Istoriia Sibiri v nauchnykh publikatsiakh*. 01.07.2002. <http://zaimka.ru/badmaev-bear>
- Bekeni, Sh. 1969. Novyi metod vychisleniia kolichestva osobei zhivotnykh v osteologicheskome materiale iz arkhеologicheskikh mestonakhozhdenii [The New Method of Number of Individual Specimens Calculation among the Animal Bones from the Archaeological Sites]. *Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody* (Otdelenie biologicheskoe) 74 (6): 69–71.
- Carlson, W.D. 1961. *Veterinary Radiology*. Philadelphia: Lea and Febiger.
- Derbek, F.A. 1913. Medvezhii prazdnik giliakov [The Nivkhs Bear Ceremony]. *Zapiski obshchestva izucheniia Amurskogo kraia* 13: 27–32.
- Driesch, A., von den. 1976. Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites. *Peabody Museum Bulletin* 1: 1–137.

- Gasilin, V.V., L.E. Vasil'eva, S.V. Gorbunov, and A.S. Kolosovskii. 2016. Arkheozoologicheskie issledovaniia na Sakhalin [The Archeozoology Studies in Sakhalin]. *Izvestiia Sakhalinskoi Akademii nauk* 1: 3–16.
- Gondatti, N.L. 1888. Kul't medvedia u inorodtsev severo-zapadnoi Sibiri [The Bear Cult among Natives of Northwest Siberia]. *Trudy etnograficheskogo otdela Imperatorskogo Obshchestva liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii* 8 (48–2).
- Gorbunov, S.V. 2015. Arkheologicheskie pamiatniki Aleksandrovsk-Sakhalinskogo raiona [The Archaeological Sites of Aleksandrovsk-Sakhalinsk Region]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeia* 22: 92.
- Gorbunov, S.V. 2016. Drevneishie sledy medvezh'ego kul'ta na Sakhalin [The Ancient Evidence of Bear Cult on Sakhalin]. *Izvestiia Sakhalinskoi Akademii nauk* 1: 34–40.
- Hallowell, A.I. 1926. Bear Ceremonialism in the Northern Hemisphere. *American Anthropologist* 28 (1): 1–175.
- Harcourt, R.A. 1974. The Dog in Prehistoric and Early Historic Britain. *Journal of Archaeological Science* 1 (2): 151–175.
- Ilimbetova, A.F. 2008. Otrazhenie kul'ta medvedia v mifologii i narodnykh traditsiiakh Bashkir [The Reflection of Bear Cult in Bashkirs Mythology and Folk Traditions]. In *Aktual'nye problemy istorii, yazyka i kul'tury Bashkortostana* [The Actual Problems of the History, Language and Culture of Bashkortostan], edited by G.R. Khusainova and R.N. Suleimanova, 3: 99–110. Ufa: Delovaia dinastiia.
- Kreinovich, E.A. 1973. *Nivkhgu. Zagadochnye obitateli Sakhalina i Amura* [The Inscrutable Habitant of the Sakhalin]. Moscow: Nauka.
- Kreinovich, E.A. 1982. O kul'te medvedia u nivkhov [About Bear Cult of Nivkhs]. *Strany i narody Vostoka* 24: 244–283.
- Okladnikov, A.P. 1950. Kul't medvedia u neoliticheskikh plemen Vostochnoi Sibiri [The Bear Cult among the Neolithic Tribes of Eastern Siberia]. *Sovetskaia arkheologiia* 14: 7–19.
- Osipova, M.V., and M.G. Temina. 2008. Medvezhii prazdnik u nivkhov i ainov (lingvokul'turologicheskii analiz) [The Nivkhi-Ainu's "Bear's Spirit-Sending" Ceremony (From the Point of View of the Comparative Linguistics)]. *Rossiiia i ATR* 2: 56–63.
- Pilsudskii, B.O. 1914. Na medvezh'em prazdnike ainov Sakhalina [On the Sakhalin Ainu Bear Ceremony]. *Zhivaia starina* 23 (1/2): 67–162.
- Popova, U.G. 1967. O perezhitkakh kul'ta medvedia (urkachak) sredi evenov Magadanskoii oblasti [About Bear Cult (Urkachak) Relics among Evens of Magadan region]. In *Trudy NE ISRI SB AS USSR* [Proceedings of CB NEISRI], 17: 174–181.
- Potapov, L.P. 1928. Perezhitki kul'ta medvedia u altaiskikh turok [The Bear Cult Relics among Altai Turks]. *Etnograf-issledovatel'* 2/3: 15–22.
- Shmidt, E.A. 1989. Traditsionnoe mirovozzrenie severnykh obskikh ugrov po materialam kul'ta medvedia [The Northern Ob Ugrians Traditional World Outlook Based on the Materials of the Bear Cult]. PhD diss. abstract, N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Leningrad.
- Shrenk, L.I. 1903. *Ob inorodtsakh Amurskogo kraia* [About Natives of Amur River Basine]. St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk.
- Shternberg, L. Ya. 1933. *Giliaki, oroichi, gol'dy, negidal'tsy, ainy: stat'i i materialy* [Nivkhs, Orochi, Udegeys, Negidals, Ainu: the articles and materials]. Khabarovsk: Dal'giz.
- Sokolova, Z.P. 2002. Kul't medvedia i medvezhii prazdnik v mirovozzrenii i kul'ture narodov Sibiri [The Bear Cult and Bear Ceremony in the World Wutlook and in the Culture of Indigenous People of Siberia]. *Etnograficheskoe Obozrenie* 1: 41–62.
- Taksami, Ch.M. 1992. Medvezhii prazdnik v traditsionnom mirovozzrenii narodov Severa [The Bear Ceremony at Northern Indigenous People World Outlook]. In *Rannie formy religii narodov Sibiri (materialy III sovetsko-frantsuzskogo simpoziuma)* [The Early Forms of Religion of the Indigenous People of Siberia (materials of the III Soviet-French symposium)], edited by I.S. Gurvich, R.F. Its, and Ch.M. Taksami, 156–166. St. Petersburg: MAE RAS.
- Titov, E.I. 1923. Nekotorye dannye po kul'tu medvedia u nizhneangarskikh tungusov kondogirskogo roda (Barguzinskii okrug Sev-Zap. Zabaikal'ia) [Some Data on the Bear Cult among the Lower Angara Tungus of the Kondogir Clan (Barguzin Region of the North-West Transbaikalia)]. *Sibirskaia Zhivaia Starina* 1: 90–105.
- Vasil'ev, B.A. 1948. Medvezhii prazdnik [The Bear Ceremony]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 78–104.

- Vasilevich, G.M. 1971. O kul'te medvedia u evenkov [About Bear Cult among Evens]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii* 27: 150–169.
- Weinstock, J. 2009. Epiphyseal Fusion in Brown Bears: A Population Study of Grizzlies (*Ursus arctos horribilis*) from Montana and Wyoming. *International Journal of Osteoarchaeology* 19: 416–423.
- Yadrintsev, N.M. 1890. O kul'te medvedia, preimushchestvenno u inorodtsev Sibiri [About Bear Cult among Siberian Natives Mainly]. *Etнографическое обозрение Sibiri* 1: 101–111.
- Zhitenev, V.S. 2000. Kul't medvedia v paleolite Evropy [The Bear Cult of the Paleolithic Europe]. PhD diss. abstract, MSU, Faculty of History, Moscow.